

A movie poster for the film 'Zver' vnutri'. The scene is set in a dark, snowy forest at night. In the background, a large, snow-capped mountain rises above a dense forest of evergreen trees. In the middle ground, three soldiers in full combat gear, including helmets with glowing red visors, stand on a small, snow-covered mound. They are holding rifles. In the foreground, four large brown bears are visible. Two are in the immediate foreground, facing each other, with one having a glowing red eye. The other two bears are positioned behind the soldiers, one on the left and one on the right. The overall atmosphere is dark and ominous.

Серж
Бэст

Зверь внутри

Серж Бэст

Зверь внутри

<https://litres.ru/74539227>

SelfPub; 2026

Аннотация

Заражённые медведи-хищники срывают мировой порядок — но спасти планету от биологической катастрофы может не только спецотряд в тайге, но и встреча трёх лидеров сверхдержав на Аляске, где впервые за четырнадцать лет придётся говорить не о границах, а о выживании.

Серж Бэст

Зверь внутри

Глава 1. Сигнал

Полковник Игорь Воронов не любил совещания. Не потому что не умел слушать — умел, даже слишком хорошо. Просто каждый раз, когда садился за длинный стол и видел перед собой экраны с данными, графиками и стрелками, ему казалось, что все эти цифры — ширма. За ними всегда стояло что-то, чего не хотел видеть тот, кто их рисовал.

Сегодня за столом сидели двенадцать человек. Генерал Соловцов — слева, ближе к экрану. Полковник Морозов — напротив, с папкой, которую он не открывал. Трое аналитиков — у стены, с ноутбуками. Остальные — лица, которые Воронов знал по фамилиям, но не по делам. Это всегда настораживало: когда в комнате больше незнакомых, чем своих, значит, скоро будет проблема.

На экране — карта Сибири. Три красных точки. Рядом с каждой — дата и координаты. Все три — в радиусе двухсот километров от реки Лена.

— За последние две недели — семь инцидентов, — ска-

зал генерал Соловцов ровным голосом. Он не повышал тона на совещаниях, и именно поэтому его слушали. — Погибло четверо: двое геологов, охотник и водитель лесовоза. Все случаи — нападение медведей. Но не обычных. Аномальная агрессия, координированные атаки, отсутствие реакции на свет, шум и выстрелы.

Воронов посмотрел на карту. Три точки. Треугольник. Это не случайность — это ареал.

— Что с образцами? — спросил он.

— Ткань отправлена в Новосибирск. Результаты через сорок восемь часов, — ответил Соловцов.

— Сорок восемь часов — это долго, — сказал Воронов.

— Это всё, что есть.

Воронов кивнул. Он знал, что генерал не виноват — система работала так, как работала. Но система была создана для другого: для контроля, для отчётности, для бумаг. Не для медведей, которые перестали бояться людей.

— Ваша задача, — продолжил Соловцов, — локализовать угрозу. Без шума. Без паники. Без прессы. Альянс не может

позволить себе ещё один кризис после того, что было в двадцатом и двадцать первом.

Воронов чуть не усмехнулся. «То, что было» — так теперь называли пандемию. Как будто она была событием, а не провалом. Но он промолчал.

— Кто в команде?

— Полный список — в папке. Но ключевое — вам придётся взять штатского. Доктор Лина Костина, биолог, специалист по поведению хищников. Новосибирск.

— Штатского? — переспросил Морозов. Он не скрывал скепсиса.

— Она единственный человек в стране, который изучал аномальное поведение медведей в дикой природе. Без неё вы будете стрелять вслепую, — сказал Соловцов.

Воронов взял папку. На обложке — гриф «Только для ознакомления». Он открыл последнюю страницу. Фотография: женщина лет тридцати пяти, тёмные волосы, усталые глаза, лёгкая полуулыбка. Выглядела как человек, который не спит, но не жалуется.

— Ладно, — сказал он. — Когда выезд?

— Завтра. Шесть ноль-ноль.

Воронов встал. Морозов тоже. Аналитики захлопнули ноутбуки. Когда все вышли, Соловцов задержал Воронова за рукав:

— Игорь. Одна вещь. Неофициально.

Воронов обернулся.

— Есть данные, которые мы пока не можем подтвердить. Но если это то, что я думаю — это не вспышка. Это запуск.

Воронов посмотрел на него. Молча. Потом кивнул и вышел.

В коридоре пахло хлоркой и старым линолеумом. Он шёл и думал о том, что генерал не сказал. О том, что за «запуском» всегда стоит кто-то, кто его сделал. И этот кто-то — не медведь.

Глава 2. Лина

Лаборатория в Новосибирске не спала никогда. Даже в

три часа ночи здесь горел свет и гудели центрифуги. Лина Костина привыкла к этому гудению — оно стало фоном её жизни, как для кого-то шум машин за окном или тиканье часов.

Она стояла у микроскопа и смотрела на то, чего не должно было быть.

Образец ткани — печень бурого медведя, самец, возраст около семи лет. Привезён из района реки Лена, из тела животного, которое было застрелено охотником после того, как оно напало на стоянку геологов. Охотник — Сергей Аверин, пятьдесят два года, бывший военный. Он выжил, но был в реанимации. Его показания записали, но Лина уже знала: он скажет то, что она видит сейчас под микроскопом.

Медведь был болен. Но не бешенством, не чумой, не каким-то известным патогеном. В тканях — следы модификации, которые не бывают естественными. Изменение в нейронных связях, которое можно получить только в лаборатории. Целенаправленное. Точное. Как нож хирурга.

Лина отошла от микроскопа и села на стул. Руки чуть дрожали. Не от страха — от злости.

Она двадцать лет изучала медведей. Писала статьи, кото-

рые читали трое коллег. Защитила диссертацию о поведенческих паттернах бурых медведей в условиях антропогенного давления. Ездили в тайгу, ставила камеры, собирала данные. И всё это время она говорила одно и то же: медведь не враг человека. Медведь — зеркало. Если медведь нападает — значит, человек что-то нарушил.

Но это — не нарушение. Это инженерия.

Она взяла телефон и набрала номер. Тот, который не звонила уже три года.

— Профессор Заречный? Это Лина. Лина Костина.

Тишина на том конце. Потом голос — тихий, стариковский, но с привычной чёткостью:

— Лина. Ты по какому вопросу?

— По какому — вы знаете. У меня образец. И я вижу то, что вы мне показывали на третьем курсе. Только тогда это было на бумаге. А сейчас — в печени живого медведя.

Снова тишина. Дольше.

— Лина, — сказал Заречный. — Ты не должна была это

увидеть.

Она не успела ответить — связь оборвалась. Она перезвонила. Номер недоступен.

Лина положила телефон на стол и посмотрела на микроскоп. На образец. На то, чего не должно было быть.

«Ты не должна была это увидеть». Что это значит? Что он знал? Что он — причастен?

Она вспомнила его лекции: спокойный голос, аккуратные схемы на доске, привычку говорить «любая система, если её достаточно повредить, становится опасной». Он говорил это про экосистемы. Но теперь Лина понимала: он говорил про людей тоже.

Глава 3. Отряд

Утро было серым. Воронов стоял у вертолётной площадки и смотрел, как из машины выходят люди, которых он видел первый раз в жизни. Кроме Тихого — с ним они служили шесть лет. Тихий не улыбался, не здоровался, просто кивнул и встал справа, как всегда. Это значило: «Я здесь. Всё в порядке».

Первым из машины вышел Кузьма Овсов — связист, техник, хакер. Невысокий, жилистый, с лицом, которое казалось на пять лет моложе, чем было. Двадцать восемь, но выглядел на двадцать три. В руках — ноутбук и рюкзак, из которого торчал антенн.

— Кузя, — представился он, протягивая руку. — Если связь есть — моя. Если нет — тоже моя, но уже виноват.

Воронов пожал руку без выражения. Ему не нравились весёлые люди перед операцией. Но потом подумал: лучше весёлый связист, чем молчаливый.

Второй — Дима Гордеев, сапёр и минёр. Крупный, медлительный, с руками, которые казались слишком большими для его тела. Он не говорил — он кивал. Всё. На любой вопрос — кивок. Воронов решил, что это нормально: человек, который работает с взрывчаткой, не должен быть болтуном.

Третья — Лина. Она вышла из машины и остановилась, глядя на вертолёт. Не с тревогой — с любопытством. Как будто вертолёт был не транспорт, а явление, которое она ещё не изучила.

— Доктор Костина? — спросил Воронов.

— Лина, — ответила она. — Если можно.

— Можно. Игорь.

Она кивнула и села в вертолёт первой. Воронов посмотрел ей вслед и подумал: либо она храбрее всех здесь, либо она не понимает, куда летит.

— Она понимает, — сказал Тихий, словно прочитав.

Воронов не ответил. Он и сам это знал.

Вертолёт поднялся в серое небо. Под ними — тайга, бесконечная и молчаливая. Воронов смотрел вниз и думал о том, что где-то там, под этими деревьями, ходит то, что было медведем. А стало — чем-то другим.

— Игорь, — сказала Лина через шум винта. — Я должна вам кое-что сказать. До того, как мы приземлимся.

— Говорите.

— Я звонила профессору Заречному. Тому, кто учил меня. Кто первым описал возможность поведенческой модификации у млекопитающих через патогены. Он сказал: «Ты не должна была это увидеть». И повесил трубку.

Воронов повернулся к ней.

— Вы думаете, он причастен?

— Я думаю, он знает больше, чем говорит. И я думаю, что он — не злодей. Он — испуганный человек.

— Испуганные люди опаснее злодеев, — сказал Воронов.
— Злодей действует по плану. Испуганный — паникует.

Лина промолчала. Но он видел: она запомнила.

Глава 4. Тайга

Тайга встретила их молчанием. Не тем, которое бывает от тишины, а тем, которое бывает от отсутствия. Птиц не было. Зверьевых следов — тоже. Даже ветер, казалось, обходил этот участок леса, словно знал, что здесь не стоит задерживаться.

Лагерь разбили за полтора часа. Палатки, периметр, датчики движения, камеры. Кузя настроил связь за двенадцать минут и тут же начал сканировать частоты.

— Странно, — сказал он, не отрываясь от экрана. — Мо-

бильных сигналов нет. Совсем. Но есть что-то на коротких волнах. Не военный диапазон, не гражданский. Что-то третье.

— Записывай, — сказал Воронов.

Лина обошла лагерь и нашла то, что искала: следы. Большие, глубокие, с характерным «походкой груженого зверя». Но что-то было не так. Шаги — слишком равномерные. Медведь в природе ходит неровно: остановки, рыскания, запахи. Здесь — прямая линия. Как будто зверь шёл к цели и не отвлекался.

— Он шёл на лагерь геологов, — сказала Лина, глядя на следы. — Не случайно. Не потому что учуял еду. Он знал, куда идёт.

— Медведь не может «знать», — сказал Гордеев. Это были его первые слова за весь день.

— Обычный — нет, — ответила Лина. — Этот — мог.

Воронов подошёл к следам. Наклонился. Рядом со следом медведя — след человека. Ботинок, военный, размер сорок третий. Свежий.

— Кто-то был здесь до нас, — сказал он. — Или с ним.

Все замолчали. Тихий, не говоря ни слова, снял винтовку с предохранителя.

Первая ночь прошла без инцидентов. Но никто не спал. Лина сидела у костра и слушала лес. Воронов — рядом, молча. Между ними — расстояние вытянутой руки и полная готовность.

— Зачем вы пошли в армию? — спросила Лина, не поворачивая головы.

— Потому что не умею быть снаружи, — ответил Воронов. — Когда что-то случается, я не могу смотреть. Мне нужно быть внутри.

Лина кивнула. Она понимала. Она пошла в науку по той же причине.

— А вы? — спросил он.

— Потому что медведь не может за себя постоять. Он — сильный, огромный, страшный. Но он — не виноват. Никогда.

Воронов посмотрел на неё. В свете костра её лицо казалось старше, чем днём. Или просто — честнее.

— Иногда виноват, — сказал он тихо.

— Иногда, — согласилась Лина. — Но не сейчас. Сейчас виноваты мы.

Глава 5. Первый контакт

На рассвете третьего дня пришёл медведь.

Кузя увидел его первым — на камере, за триста метров от периметра. Зверь шёл прямо на лагерь. Тот же ровный шаг, та же прямая линия.

— Контакт! — крикнул Кузя. — Один, самец, крупный, дистанция триста метров, скорость выше нормы!

Воронов встал мгновенно. Команда среагировала за секунды: Гордеев — к заграждениям, Тихий — на позицию, Кузя — к пульту.

— Тихий, не стрелять, — сказал Воронов. — Лина?

Лина уже стояла у края периметра с биноклем.

— Это не бешенство, — сказала она. — Смотрите: движения координированные, нет шата. Он целенаправлен. Но он — не монстр. Он — больной.

— Больной медведь убивает так же, как здоровый, — заметил Тихий.

— Да. Но разница в том, что больного можно вылечить. А монстра — только убить. И я пока не готова называть его монстром.

Медведь был в ста метрах. Огромный, тёмный, с глазами, которые — и это было самое страшное — казались осмысленными. Не тусклыми, как у бешеного. Яркими. Как у того, кто понимает, что делает.

— Двести метров! — крикнул Кузя.

— Свет! — скомандовала Лина. — Максимальный, все фонари на него!

Яркий свет ударил в глаза зверю. Он остановился. Зарычал — но не отступил. Обычный медведь отступил бы. Этот — нет. Но он замешкался. И этого было достаточно.

— Я стреляю транквилизатором, — сказала Лина. — Мне нужен образец. Живой.

— Риск, — сказал Воронов.

— Я знаю.

Лина подняла пневматическое ружьё. Дротик с транквилизатором — в плечо, в мышечную массу. Она прицелилась. Дыхание ровное. Она делала это сто раз на тренировках и трижды — в дикой природе.

Выстрел.

Дротик вошёл точно. Медведь зарычал, дёрнулся, но не упал. Он повернул голову к Лине — и она увидела его глаза. Близко. Очень близко.

В них не было ненависти. В них была боль.

Зверь качнулся, сделал шаг вперёд — и упал. Земля дрогнула.

Лина подбежала первой. Она положила руку на его шею и почувствовала пульс — тяжёлый, неровный, но живой.

— Он горячий, — сказала она. — Температура выше нормы на два-три градуса. Это не воспаление. Это нейрогенное.

Она взяла образец крови, слюны, ткани из уха. Кузя побежал с контейнером.

— Всё, что нужно? — спросил он.

— Всё. И ещё — я хочу, чтобы его не убивали. Пока.

Воронов посмотрел на медведя. На Лину, которая стояла на коленях рядом с огромным телом и держала его за шею, как больного.

— Ладно, — сказал он. — Пока.

Глава 6. След

Анализ образца занял шесть часов. Кузя работал с портативной лабораторией, которую Лина привезла в чемодане размером с дипломат. Результаты появились на экране — и Лина замолчала на целую минуту.

— Это не мутация, — сказала она наконец. — Это конструкция. Патоген собран из фрагментов. Часть — природная, часть — синтетическая. Это как если бы кто-то взял

обычный вирус и добавил к нему модуль, который меняет поведение. Точно. Целенаправленно.

— Кто может это сделать? — спросил Воронов.

— Любая лаборатория уровня BSL-3. Их в мире — несколько сотен. Но чтобы собрать такое — нужен гений или маньяк.

— Или тот, кто считает себя гением и не считает себя ма-
няком, — сказал Тихий.

Лина замолчала. Она думала о Заречном. О его лекциях. О его фразе «ты не должна была это увидеть».

— Есть след, — сказал Кузя, не отрываясь от экрана. — В синтетической части — маркер. Серийный номер партии. Он ведёт к лаборатории. Номер — Р-07-Фауна.

— «Фауна»? — переспросил Воронов.

— Да. И номер партии — седьмой. Значит, были ещё шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.